

К вопросу о периодизации истории казахско-российских взаимоотношений в новое время

В статье предпринята попытка рассмотреть вопросы периодизации казахско-русских взаимоотношений в период XVIII-XIX вв.

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть вопросы периодизации казахско-русских взаимоотношений в период XVIII-XIX вв. В статье дается историографический анализ и предлагается авторская интерпретация данного вопроса.

Исследование истории казахстанско-российских взаимоотношений является, безусловно, одним из актуальнейших направлений современной национальной истории. Особую актуальность исследованию этой темы в ретроспективе придает динамика современных межгосударственных взаимоотношений Республики Казахстан и Российской Федерации.

На современном этапе взаимоотношения между Казахстаном и Россией характеризуются как добрососедские и союзнические, и это наглядно выражается в поддержании на высоком уровне экономического, политического и культурного обмена между нашими государствами. Есть все основания предполагать, что и в дальнейшем будет поддерживаться этот высокий уровень доверия между странами. Подтверждением тому является решение Президентов двух стран – Н.А. Назарбаева и В.В. Путина принятое в октябре 2012 года. Тогда, в рамках торжественных мероприятий, посвященных 20-летию подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан и 20-летию установления дипломатических отношений между двумя странами, с рабочим визитом в России находился Президент Казахстана Н.А. Назарбаев. Во время этого визита было принято «Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Республики Казахстан», в котором главами государств было принято решение, поручить

Правительствам обеих стран «опираясь на постоянно совершенствуемую двустороннюю договорно-правовую базу» в течение 2013 года «разработать и внести на подписание новый Договор о добрососедстве и союзничестве Казахстана и России в XXI веке»[1].

Поэтому с научной точки зрения является важным всесторонне исследовать историю формирования этих взаимоотношений, которые уходят корнями в новое время и даже в тюрко-славянское средневековье. Безусловно эти связи носили разнообразный характер и широко колебались в пределах от конфликтности до добрососедства и стратегического союзничества. Здесь уместно привести оценку этому историческому процессу сделанную на расширенном заседании Межведомственной рабочей группы, специально посвященном изучению национальной истории Казахстана под председательством Государственного секретаря РК М.М. Тажина состоявшемся 5 июня 2013 г.

Государственным секретарем, была дана точная оценка: «история тюрко-славянского взаимодействия – это не только история войн, военных побед и поражений... это, прежде всего, – и тут он абсолютно прав – история многогранного взаимодействия – торгового, политического, военного, культурного» [цит. по: 2].

Одним из важнейших аспектов изучения любых исторических явлений, в том числе истории международных отношений является, конечно, проблема периодизации. В статье специально посвященной вопросам исторической периодизации как всемирной, так и национальной истории профессор В.Я. Гросул отмечает, что «без обоснованной периодизации история как наука теряет одну из важнейших своих особенностей. При всей неизбежной условности и закономерной относительности периодизация исторического процесса влечет за собой необходимость вычленения наиболее характерных его периодов, отражающих самые существенные этапы жизни общества» [3, С. 122].

До сегодняшнего дня остается открытым вопрос периодизации казахско-российских отношений в новое время. В связи с этим хочется остановиться на этом вопросе подробнее.

С установлением особых международно-правовых отношений в 1730-х гг. начинается по сути новый этап казахско-российских взаимоотношений. Применительно к началу 30-х гг. XVIII в. можно говорить только о начале сложного и противоречивого процесса непосредственного взаимодействия казахских ханств и российского правительства. Принятие покровительства Российской империи ханом Абулхаиром в 1731 г. не следует рассматривать именно как момент вхождения и территориального включения в Российскую империю. В начале 1730-х гг. ни в Казахстане, ни в Петербурге не знали наверняка, в какую сторону будет идти этот процесс в дальнейшем, и, тем более чем он завершится через полтора века. Поэтому не оправданны, например, такого рода утверждения, что «к 1743 г. казахи Младшего, а затем и Среднего вошли в состав России» [4, С. 76; 5, С. 176]. О непосредственном подданстве, как справедливо отметил В.Я. Басин, правомернее говорить

«лишь на завершающем этапе присоединения Казахстана к России... во второй половине XIX века» [6, С. 26,33.].

Определение политико-правового статуса казахских государственных образований – ханств – по отношению к России является одним из сложных вопросов историографии. Многие исследователи по-разному оценивают и характеризуют систему казахско-русских взаимоотношений в Новое время.

Например, И.В. Ерофеева, отношения обеих сторон в момент подписания официальных документов о подданстве, характеризуют как сателлитно-вассальные [7, С. 85]. Известный учёный Н.Е. Бекмаханова в коллективной работе, специально посвящённой становлению и развитию системы управления России в регионах, приходит к выводу, что казахские ханства, «будучи включёнными в состав России, сохранили многие элементы суверенитета... хотя и с ограничениями» [8]. В этой же работе, в заключительной главе, посвящённой типологии «системы управления национальных окраин России», С.Г. Агаджанов характеризует казахско-русские взаимоотношения как «патронатные» [6]. Если исходить из того, что казахи, по мнению ряда историков (например, К.К. Абуева), «подписавшие акт о подданстве, воспринимали его как военный и политический союз с Россией, которая берёт их под своё покровительство» (т.е. под патронат, если использовать латинский эквивалент этого понятия), то получается, что казахско-русские политические взаимоотношения в тот период выстраивались по «сценарию» именно казахской стороны [10, С. 159].

Исследователи Г.С. Султангалиева, А.К. Алитурлиева хронологически политические взаимоотношения Казахстана и России представляют следующим образом: 1) 1731 - 1748 гг. – установление «политического патроната Российского государства над кочевыми регионами»; 2) 1748 г. - конец XVIII в. – установление «политического протектората, сопровождавшегося согласованием, а затем и прямым назначением правителей степи – казахских ханов»; 3) конец XVIII в. - 20-е гг. XIX в. – формирование системы «приграничного политического регулирования жизни казахского общества»; 4) с 20-х гг. XIX в. – «переход от приграничного регулирования к прямому управлению кочевниками Казахстана» [11, С. 5]. С. Завгородняя период, охватывающий большую часть XVIII в. (30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XIX в.) характеризует как – «период номинального подданства или протектората» [12, С. 63].

Следует вспомнить позицию В.Я. Басина, который в 1960-е гг. подчёркивал, что «неправильно искать в отношениях между Россией и Казахстаном протекторат или вассалитет в чистом, классическом выражении» [6, С. 34]. Сам исследователь определяет данные отношения как «несколько видоизменённый по содержанию и по форме институт протектората, сочетающийся с элементами вассалитета» [6, С. 28,34]. Б.М. Абдрахманова казахско-русские отношения в XVIII в. делит на два качественных этапа: в первой половине века – это «пассивное приспособление [России] к специфическим социально-политическим условиям самого казахского общества» и во второй половине века (в период

правления Екатерины II) – уже активизация российской политики и попытки оказывать политическое и социально-экономическое влияние на дальнейший ход развития политических сообществ Младшего жуза [13, С. 11-12].

Важный вклад в теоретическую разработку вопросов политико-правового взаимного статуса казахских ханств и России внес А. Кузембайулы. В течении XVIII в. комплекс казахско-русских он выделяет в первый период и определяет как «протекторат - форма зависимости, при которой протезируемое государство (Казахстан) теряло часть суверенитета, в частности, лишалось право самостоятельных международных сношений. В обмен государство-протектор (Россия) обязывалось защищать интересы зависимого государства от третьих стран», при этом «в первый период российско-казахстанские взаимоотношения учитывали обоюдный интерес» [14, С. 124].

Начало XIX в., как отмечает А. Кузембайулы, характеризуется в военном отношении – интенсивным строительством военных укреплений, казачьей колонизацией, а в политическом плане – привлечением на свою сторону некоторой части казахской верхушки. В частности он пишет, что «назначая представителей казахской знати на административные должности, раздавая подарки и применяя другие меры, царское правительство создало в Казахстане мощную базу для будущей марионеточной псевдогосударственной структуры. Опираясь на нее, Россия в одностороннем порядке попыталась ликвидировать ханскую власть на территории Младшего и Среднего жузов. Об этом свидетельствуют административные реформы П.К. Эссена в Младшем жузе и М.М. Сперанского в Среднем жузе» [14, С. 124].

Это привело к тому, что заметная часть территория казахских земель оказалась под юрисдикцией России, однако А. Кузембайулы оговаривает что «спецификой правового статуса новоприобретенных земель было то, что сама империя присоединенные земли не считала своей собственностью. Подтверждением этому является то, что земли, населенные казахами, назывались «внешними» округами, т. е. чужими, находящимися за пределами России. Да и Россия все свои взаимоотношения с Казахстаном осуществляла через Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Данный период можно считать переходным» [14, С. 124-125].

Следующий этап он связывает с упрочением позиций Петербурга в казахском крае, когда «вся современная территория Казахстана вошла в состав Российской империи, была поделена между тремя генерал-губернаторствами и шестью областями. По Временным положениям 1867-1868 гг. вся земля в Казахстане объявлялась государственной собственностью, на территорию Казахстана распространялись имперские законы. Были осуществлены экономические, административные и политические реформы. Таким образом, Казахстан оказался колонией Российской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями» [14, С. 125].

Если подытожить, то в целом периодизация казахско-русских политических взаимоотношений по А. Кузембайулы выглядит следующим образом: первый период – 30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XIX в. (период протектората); второй – с 20-х по 60-е гг. XIX в. (переходный период); с 60-х гг. XIX в. начинается третий – колониальный период истории Казахстана.

Таким образом, в своих исследованиях А. Кузембайулы приходит к выводу, что установление колониального периода в казахско-русских взаимоотношениях относится к 1860-м гг., а XVIII в. характеризуется им как период протектората [14, С. 125].

Рассматривая особенности установления договорных политических отношений между Казахстаном и Россией, необходимо выделить один важный момент – практически никакие платежи и повинности до начала XIX в. казахским населением в пользу империи не неслись. В 1788 г., то есть спустя более полувека после первой миссии А.И. Тевкелева в казахскую степь и последовавших после этого событий, И. Болтин отмечал, что «хотя казахи и называют себя подданными России и поручительство верности своея от себя дают аманатов, но податей не платят, служеб и повинностей никаких не отправляют, управляютя своими обычаями и начальниками» [15, С. 389].

В.Я. Басин обратил внимание на то, что зафиксированные при принесении присяги обещания собирать ясак (от 1 до 4 тысяч корсаков и лисиц в год) несли скорее формальный, «символический характер», если учесть, что население присягнувших жузов составляло несколько сот тысяч человек [6, С. 29].

Другой важный момент это то, что при определении статуса взаимных отношений, как подчеркивает, например В.В. Трепавлов, – «отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнёры зачастую воспринимали совершенно по-разному», при этом необходимо чётче представить «различия во взглядах на статус пребывания в составе России у русских властей и у присоединенных народов» [16, С. 7].

В процессе конструирования периодизации в изучаемом вопросе, как нам кажется, важным является учитывать региональный фактор. В силу крайней обширности казахских степей в разных регионах различные исторические процессы и явления могли и вероятно протекали с разной степенью интенсивности, что делает попытку общей периодизации казахско-русских взаимоотношений, по крайней мере, в течении XVIII в. не результативной. Именно поэтому предлагаем ниже периодизацию казахско-русских взаимоотношений непосредственно в Урало-каспийском регионе, где эти взаимоотношения получили импульс в первой трети XVIII века.

В целом, казахско-русские взаимоотношения в приграничном Урало-Каспийском регионе были весьма динамичны. В XVIII в. в этих отношениях прослеживаются следующие периоды: первый – 1710-е – 1760-е гг., – характеризуется инициированием и большей активностью со стороны Ханства Абулхаира, особенно в момент начала установления особых отношений с Россией и приспособлением российской администрации к

новому для неё уровню взаимоотношений в Урало-Каспийском регионе; также характеризуется прямой зависимостью интенсификации взаимоотношений от личностного фактора (ханы в Младшем жузе и Оренбургские приграничные начальники) что приводило к значительному варьированию уровня взаимоотношений, от деструктивных (например, А.Р. Давыдов – Нуралы-хан) до активных, прагматичных, исходящих из сложившейся ситуации (например, Абулхаир-хан – А.И. Тевкелев; Нуралы-хан – Д.В. Волков). Уровень казахско-российских политических взаимоотношений, который сформировался на первом этапе, может быть определён (по линии Петербург – Младший жуз) как номинально-патронатные отношения с невозможностью контроля внутренней и внешней политики; второй период – середина 1760-х – начало 1780-х гг. – начало укрепления позиций Петербурга в регионе, что в тот период намечает процесс изменения политического статуса казахского ханства Младшего жуза (Ханство Абулхаиридов) в направлении определённого ограничения его государственного суверенитета. При этом в территориальном плане Младший жуз остаётся полностью суверенным. Происходит усиление потенциала и масштабов приграничной и трансграничной торговли в регионе. Личностный фактор, то есть значение способностей и индивидуальных взглядов оренбургских начальников на характер казахско-русских взаимоотношений продолжают иметь в целом важное значение. На этом этапе уровень казахско-российских политических взаимоотношений характеризуется как условно-патронатные с фактической невозможностью контроля внешней и ограниченным контролем внутренней политики.

В начале 1780-х гг. появляются предпосылки к модернизации российской приграничной политики, – в Петербурге начинают искать и применять подходы иные, чем в предыдущие десятилетия. В целом, в тот период, особенно в рамках «реформ Игельстрёма» в Урало-Каспийском регионе была сформулирована и начала реализовываться новая модель казахско-российских приграничных взаимоотношений, для которой характерны следующие черты: установление и закрепление непосредственных политических контактов родовой знати Младшего жуза и Оренбургской администрации; превращение родовой политической элиты в самостоятельного субъекта (актора) региональных казахско-российских политических взаимоотношений; создание новых для казахско-российских взаимоотношений политических структур, таких как «совместные учреждения» (Пограничный суд, судебное присутствие, расправы); трансформация традиционных для региона политических институтов (ханская власть, Ханский совет).

Таким образом, довольно чётко проявились особенности, характеризующие политический уровень взаимоотношений в 1780-е и который продлился до первых десятилетий XIX в., что позволяет выделить третий период казахско-российских взаимоотношений и определить его как патронатно-ассоциированные, характеризующиеся совместной координацией вопросов внешней и внутренней политики ханств Младшего жуза с

объективным учётом материально-политического потенциала российской власти, в том числе в лице Оренбургской администрации.

В целом, хотелось бы отметить что, на сегодняшний день существуют различные оценки уровня взаимоотношений Казахстана и России на протяжении XVIII века. Хотя исследователи отмечают качественные изменения, относящиеся ко второй половине XVIII в., при этом заметны расхождения в точной оценке уровня взаимоотношений (ограниченный суверенитет, протекторат с элементами вассалитета и др.), что, на наш взгляд, является во многом отражением динамичности и отсутствия стагнации в казахско-российских отношениях.

Использованная литература

1. Совместное заявление Президента Республики Казахстан и Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/page/page_sovmestnoe-zayavlenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-i-prezidenta-rossiiskoi-federatsii_1349855977.
2. Кадыров Б., Курпякова Н., Народ в потоке истории // Казахстанская правда. Общенациональная ежедневная газета. – 6 июня 2013 г.: Режим доступа: – <http://www.kazpravda.kz/k/2013-06-06>.
3. Гросул В.Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. – № 3, 2007. – 273 с.
4. Фадеев К.В. Казахстан и Россия в историческом и социокультурном контексте // Народы Евразии: культура и общество: Третий Международный Евразийский научный форум: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. С.А. Абдыманапова. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2004. – 315 с.
5. Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). – М.: Наука, 1998. – 270 с.
6. Басин В.Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. // Известия АН КазССР. Серия «общественная». – 1968. – № 5. – 150 с.
7. Yerofeeva I. Kazakhstan under the power of Russian Empire // History of Kazakhstan. Essays. – Almaty: Gylym, 1998. – P. 81-92.
8. Бекмаханова Н.Е. Казахстан и Средняя Азия // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998. – 416 с. – Режим доступа: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/raznoe/?print>.
9. Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998. – 416 с. – Режим доступа: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/raznoe/?print>.

10. Абуев К. Хан Абылай и его время. – Астана: Елорда, 2006. – 304 с.
11. Султангалиева Г.С., Алитурлиева А.К. Оренбургское магометанское духовное собрание и оренбургская власть. Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. // Вестник Карагандинского университета. Серия «История, философия, право». – 2006. – № 2 (42). – 190 с.
12. Завгородняя С. Административно-политическая система самодержавия и модернизация традиционного казахского общества в 1-ой пол. XIX в. // Саясат. – 2005. – № 10. – 132 с.
13. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана, 1998.– 137 с.
14. Кузембайулы А. Теоретические проблемы изучения политических процессов в Казахстане XVIII–XIX вв. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции / Под ред. Р.М. Жумашева, А.П. Толочко. – Омск: Изд-во Ом. гос. Ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2007. – 339 с.
15. Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. – Б.м.: Печатано в типографии горного училища. – 1788. – Т.1. – 616 с.
16. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М.: Ин-т русской истории РАН, Вост. лит., 2007. – 255 с.

Источник // Мемлекет тарихы. История государства –2013. -№2